

Ю. А. Бубнов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО СМЫСЛА КУЛЬТУРЫ

Современный социокультурный и политический контекст российской действительности актуализирует ряд проблем, которые на протяжении десятилетий вытеснялись на периферию научного и практического интереса. Особую остроту в настоящее время приобретает оценка прошлого опыта именно в силу его особой значимости для самоидентификации социума. Однако, как свидетельствуют современные исследования по проблеме исторической памяти, обращение к реальным событиям и духовным ценностям прошлого нередко является собой специфический инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем, все без исключения культурные символы или знаки исторической памяти призваны обеспечивать духовную целостность общества, устойчивость его коммуникативных каналов.

Историческая память, наряду с переводом исторического знания в эвристические формы опыта прошлых поколений, представляет собой важное связующее звено между историей и духовной культурой. Д. С. Лихачев по этому поводу писал, что «память — преодоление времени, преодоление пространства. Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры (Лихачев Д. С. Память истории священна. М.: Правда, 1986. С. 14).

Обозначенная отечественным «патриархом» русской культуры дефинитивная структура исторической памяти является необходимым условием для осмысления таких культурологических проблем, как отношение к своему историческому прошлому, нравственному достоянию нации и т. д. Память, несмотря на сохранение и преумножение

традиционно устойчивых материальных форм, воплощающих в себе исторический опыт, остается адекватной формой трансляции от одного поколения к другому основных моделей поведения. Именно историческая память позволяет сохранить гуманистическую сущность человеческих деяний, направленных на воссоздание духовной знаковой матрицы прошлых исторических эпох.

Гуманизм постулирует высшую самодостаточную и самоосознающую значимость человека, которая проявляется в его отношении к себе и другим людям. Но поскольку есть человек, обладающий самосознанием, он и пытается сделать себя центром мира, «подгоняя» вне его лежашие феномены под это убеждение (Л. Йожэф). Утверждая себя таким образом, индивид вступает в сферу идеологических отношений, т. к. разграничивает истинное и ложное, а это в конечном счете нередко приводит к формализации самого поступка или к противоположному гуманизму результату.

Казалось бы, гуманные намерения отдельно взятой личности или социума сохранять в омассовленном обществе то, благодаря чему преодолеваются безразличие и равнодушие, превращаются в рядовое действие, лишенное глубокого сопереживания с происходящим. В этой связи латиноамериканский революционер Эрнесто Че Гевара в свое время замечал, что «порой митинги, посвященные павшим героям, со временем превращаются в некий вид общественной нагрузки и приобретают в той или иной степени характер механического акта» (Цит. по: Майданик К. Л. Революционер / К. Л. Майданик // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 144). Закамуфлированные под акт благодарности «павшим героям» эти действия лишаются нравс-

твенного смысла, ибо в их основе заложено лишь стереотипное выполнения определенных обязанностей.

Иначе говоря, процесс исторической памяти исключает механическое воспроизведение прошлого. Это есть творческий, деятельный процесс, отражающий всю сложность человеческих отношений, облеченных в рамки нравственных оценок и сопереживаний.

Такой подход к пониманию исторической памяти позволяет выделить в ней основополагающие принципы, которые во многом определяют ее содержание. Одним из таких базовых положений является избирательность памяти, предполагающая актуализацию одних событий и игнорирование других. Селективное отношение исторической памяти к событиям прошлого объясняется их ценностной неравнозначностью для современных процессов, возможностью этих событий влиять на будущие формы общественного устройства. В этих условиях историческая память часто персонифицируется, и «через оценку деятельности конкретных исторических личностей формируются впечатления, суждения, мнения о том, что же представляет особую ценность для сознания и поведения человека в данный период времени» (Тошенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния / Ж. Т. Тошенко // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 4).

Освобождение в постперестроечное время духовной жизни общества от методологических клише марксизма способствовало формированию нового мышления, которое в своем стремлении восстановить адекватную картину прошлого активизировало процесс переписывания всемирной истории. К концу 90-х годов XX столетия этот процесс приобрел бесконтрольный характер, т. к. к нему подключились практически все политико-идеологические течения российского общества. Появившейся в этой связи огромный массив учебной литературы не только затруднял беспристрастную оценку исторических событий, но и порой искажал их сущность.

Отсутствие системообразующих начал в организации учебного материала приводило к многочисленным перекосам в ту или иную сторону. Нередко сам материал излагался через призму мировоззрения доминирующего в обществе этноса. Все это способствовало от-

чуждению молодого поколения от реальной истории страны, взращивало в их сознании пренебрежительное отношение к ее традициям и размывало тем самым основы патриотического воспитания. Именно негативные последствия разрушения системы патриотического воспитания, которым всегда отличалась отечественная система образования, поставили перед обществом неотложные задачи комплексного возрождения духовного и нравственного потенциала нации.

Историческая память обладает способностью к сохранению в общественном сознании оценочных установок, которые сформировались под воздействием исторических событий. Впоследствии эти установки перерастают в ценностные ориентиры, задающие определенные модели человеческим поступкам. Воздействуя на сознание людей, стереотипы прошлого как консолидируют социум, так и создают в нем условия для нестабильности и противоречий.

К сожалению, в последние годы историческая память используется как прикрытие для решения вполне определенных, далеких от культурного контекста задач. Возвращение незаслуженно забытого культурного наследия, отраженного в материальных и идеальных знаках человеческой деятельности, становится предметом споров и раздоров между теми, кто призван воссоздавать образы прошлого, укреплять их в сознании молодого поколения, являть собой пример толерантности и взаимного уважения. Вместо этого восстановление старых памятников скульптуры и архитектуры отодвигает на задний план, а порой и вытесняет все то, что олицетворяло собой культурный срез общества в советский период российской истории.

Некоторые представители российской интеллигенции и профессиональных организаций, чья духовная миссия направлена на сохранение хрупкого фундамента социальной стабильности, продуцируют новые условия для конфликта светской и духовной власти. При этом они, используя информационный ресурс, подвергают резкой критике все духовное наследие, что не вписывается в контуры их идеологических установок. Официально объявляется о планах «инвентаризации», т. е. сноса скульптурных сооружений советской эпохи не только в ряде государств

ближнего зарубежья, но и в отдельных российских городах, которые считаются центрами отечественной культуры. Соответственно, данный факт становится благодатной почвой для различного рода социальных конфликтов.

Не менее остро в связи с сохранением культурного наследия стоит проблема передачи памятников культуры и истории Русской православной церкви как прежнему собственнику «многообразного церковного имущества». Настойчивое требование РПЦ вернуть изъятую «в годы лихолетья» у нее собственность превращается в очередное противостояние между сторонниками и противниками «церковной реституции», т. к. в настоящее время основными пользователями церковных зданий являются музеи и заповедники. Поэтому говорить о гуманном отношении к исторической памяти тех, кто стремится решать, прежде всего, идеологические или экономические вопросы в заданном культурном пространстве, весьма затруднительно. Любое ангажирование человеком своего нравственного и эстетического восприятия предшествующего опыта к внешним формам и условиям его существования далеко от идеи гуманизма, который, по замечанию В. Межуева, «является не социальным идеалом, а идеалом культуры, идеалом освобождения от этатизма, от государства, от власти» (См.: Абрамсон И. Г. Актуальность гуманизма. Заметки участника международной научной конференции. http://www.alternativy.ru/old/conference/conf04/hum_cnf.htm). Гуманизм — это духовный феномен, раскрывающийся как сопричастность в культуре. Предикатами этого феномена могут быть различные виды деятельности, возвышающие человека, а не вовлекающие его в материальные и иные срезы статусных и ролевых отношений.

Важное место в структуре памяти занимает этническая историческая память. Человек без истории, без традиций, «Иван, не помнящий родства» — это человек вне культуры, вне нации. Не уважая свой народ, он не может реально ценить достижения других наций. Н. К. Рерих до первой русской революции (1903) писал: «Мне довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви к ней» (Рерих Н. К. По старине. <http://www.magister.msk.ru/library/roerich/roer425.htm>).

От забвения своего исторического прошлого, своих национальных ценностей один шаг до обезьяньего подражания некритически заимствованному чужому. «И мы готовы заговорить по-африкански, — далее пишет русский просветитель, — лишь бы не подумал кто, что свое нам дороже чужого» (Рерих Н. К. По старине. <http://www.magister.msk.ru/library/roerich/roer425.htm>). В этой связи Н. К. Рерих проводил одну очень важную идею, согласно которой народ в своем культурном развитии должен жить «течением национальной мысли».

Понятия «национальность» и «культура» тесно взаимосвязаны между собой. Н. А. Бердяев подчеркивал, что культура не была и не будет «отвлеченно-человеческим» феноменом, она всегда является национальной и «индивидуально-народной». Национальное содержание культуры сохраняется благодаря исторической памяти, которая является своеобразным духовным «шитом», сдерживающим национальный эгоизм и шовинизм. Если этот «шит» разрушается, то происходит перекраивание культурного пространства под националистические интересы конкретной социальной группы. Результатом такой культурной реконструкции может быть переписанная заново история того или иного народа, актуализация отдельных исторических событий и личностей, которым приписывается вымышленный сюжет или смысл.

Этнонациональная память обладает удивительной способностью сохранять все то, что для народа нужно, его культурную матрицу, в которой отложились «социальные схемы», предлагающие человеку наиболее оптимальные пути решения многих проблем. Отечественная культурная матрица представляет собой гетерогенный (неоднородный) шаблон, который сложился путем сложного отбора ценностей других этнокультурных массивов.

Начиная с XVIII века, т. е. с момента разрушения культурного изоляционизма России, основные ценностные установки русского общества находились под влиянием западной культурной традиции. Интериоризация западноевропейских ценностей способствовала процессу аккультурации, проявившемуся в усвоении технологий, образцов поведения западного общества.

Распространение культурных инноваций в России осуществлялось в горизонтальном

направлении как передача идей от культуры к культуре. Однако известно, для того чтобы усвоить какие-либо идеи, нужно созреть для их заимствования, а также оценить способность этих идей к интеграции в сложившуюся культуру, их созидательный потенциал. Казалось бы, все эти критерии интериоризационного механизма учитывались в практике общественной жизни российского социума. И тем не менее копирование конкретных поведенческих моделей российским дворянством нередко приводило к негативным результатам, особенно там, где эти модели оказывались чуждыми отечественному культурному контексту. С наибольшей очевидностью инородность такой культурной имплантации проявлялась в культурно-бытовой и языковой сфере.

Реформы Петра I ознаменовали собой начало европеизации России сначала по немецкому образцу, а затем при Елизавете Петровне русское дворянство активно начало усваивать французскую систему воспитания и образования, подражать французской моде в одежде, проявлять интерес к изучению французского языка, ставшего необходимым атрибутом светского воспитания. Присутствие в дворянской семье француза-гувернера, который «чтоб не измучилось дитя, учил его всему шутя», считалось важным условием хорошего воспитания.

Вместе с тем, процесс аккультурации способствовал идентификации части дворянской интеллигенции с культурой, национальными и политическими идеалами «иноземной» среды. Отмечалось размывание в верхних социальных слоях значимости русского языка, принижение его роли по сравнению с европейскими языками. «Что же сделалось с русской живой народной речью? — с горечью замечает литературный критик Н. И. Надеждин. — Ей оставлены были в удел только низкие житейские потребности; она сделалась языком простолюдинов!... Так, в продолжение веков, последовавших за введением христианства, язык русский, лишенный всех прав на литературную цивилизацию, оставался неподвижно, *in status quo* — без образования, без грамматики, даже без собственной азбуки, приноровленной к его свойствам и особенностям» (Надеждин Н. И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // В поисках своего пути: Россия меж-

ду Европой и Азией. М.: Логос, 1997. С. 42). Это в свою очередь вело к нарушению этнической целостности русского общества, т. к. «основание народного единства есть язык; стало, он должен быть всем понятен, всем доступен» (Надеждин Н. И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Логос, 1997. С. 42). В русской языковой культуре возникает своеобразная оппозиция. С одной стороны, это язык просвещенного русского европейца, «благородный вкус» которого можно было удовлетворить западноевропейскими заимствованиями, а с другой — славяно-русский язык, перемешанный с вульгаризмами простонародной речи.

Культурно-бытовые традиции, сложившиеся с ранних веков российской государственности, нередко рассматривались в отечественной истории как архаические консервативные нормы старомосковского быта, препятствующие развитию прогрессивных моделей поведения, принятых за образец в европейских странах. Некоторые представители русской интеллигенции с сожалением констатировали интеллектуальную отсталость российского общества, подчеркивая, что «несчастье России состоит в том, что она воспринимает уже готовые идеи, в силу чего не имеет направления, особой духовной методики, логики Запада» (П. Я. Чаадаев). Критика русской культуры перемешивалась со стыдливым отношением к своей национальной принадлежности. Тенденцию негативного отношения части русской интеллигенции к родному языку и культуре подметил Н. И. Надеждин, который отмечал: «У нас стремление к европеизму подавляет всякое уважение, всякое даже внимание к тому, что именно русское, народное... Обольстительные идеи космополитизма не существуют в нынешней Европе: там всякий народ хочет быть собой, живет своей, самобытной жизнью... И никто из них не стыдится себя, не гнушается собой; напротив, все убеждены твердо и непоколебимо, что лучше их, выше их, умнее и просвещенней нет на свете!» (Надеждин Н. И. Европеизм и народность в отношении к русской словесности // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М.: Логос, 1997. С. 44).

Безусловно, одной из главных причин, обусловивших отторжение национальной

идентичности частью русского общества, был русский национализм, проявивший себя на уровне высшего аристократического сословия. Но не меньшую роль в формировании идеологии отторжения национальной идентичности сыграла «европеизация» культуры русского дворянства. Наряду со сменой ментальной парадигмы, транслирующей новые философские концепции, ценности русского европейца, складывается мировоззренческая модель, в которой России отводится роль культурного реципиента, лишенного собственной культурной традиции. Если же речь и шла о русской культуре, то лишь в «всеевропейском и всемирном» контексте. «О, народы Европы и не знают, — восклицает в Пушкинской речи Ф. М. Достоевский, — как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, что мы, то есть, конечно, не мы, а будущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе...» (Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Ф. М. Достоевский. Собр. соч. : в 15 т. СПб., 1995. Т. 14. С. 439).

Для другой части русского народа, чья жизнедеятельность была укоренена в глубинные слои обыденно-конфессиональной культуры, вопрос национальной принадлежности не представлял особой значимости. Обращая свое внимание на национальную индифферентность русского народа, Н. А. Бердяев писал, что «...русские почти стыдятся того, что они русские; им чужда национальная гордость и часто даже — увь! — чуждо национальное

достоинство» (Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Издательство АСТ, 2004. С. 15).

Таким образом, к концу девятнадцатого столетия в сознании значительной части русского общества наблюдается размывание национальной идентичности. Ориентированная на Запад интеллигенция, критикуя русский национализм, проповедует сверхнациональные, общечеловеческие идеи, а основная часть русского народа, довольствуясь идеей конфессиональной самодостаточности, проявляет полное безразличие к национальным ценностям. Видимо, такого рода ситуация и явилась одной из причин поиска национальной идеи многими русскими мыслителями конца XIX — начала XX столетия, идеи, которая не только отражала бы историю формирования и развития русского этноса, но и закрепила бы в коллективной памяти социума наиболее оптимальный культурный принцип устройства жизни народа, складывающейся в опыте предыдущих и живущих поколений. Этот принцип как универсальная категория включал в себя историю определенного этноса и его традиции, а также богатство языка и социальные нормы.

Осмысление прошлого через призму этноисторической памяти позволяет избежать забвения и разрушения исторического опыта, сохранить его целостность, предостеречь от сведения его к узким национальным интересам. Это и есть выражение гуманистического потенциала исторической памяти, ее эффективного регулятивного воздействия на индивидов, живущих в разных культурных пространствах и культивирующих разнообразные формы социальных отношений.

